

ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ
ТОНИНО ГУЭРРА

Репетиция оркестра

Место действия постепенно освещается, и из темноты возникает помещение пустой старинной капеллы. Слышится голос – это переписчик нот. Он говорит, обращаясь к невидимому интервьюеру.

Голос переписчика нот (*вокализируя*). О-о-о! О-о-о! Смелее, попробуйте-ка и вы. Тут замечательная акустика. Вы знаете, ведь это старинная церковь. Вон там могилы трех пап и семи епископов. (*Усмехается.*) Здесь полно мертвецов...

Наплыв изображения: на экране появляется арфа.

Голос переписчика нот. А в 1781 году эта капелла превратилась в настоящий кон-

цертный зал. Для концертов вокальной и инструментальной музыки.

Также наплывом на экране постепенно возникают пюпитры и рояль.

Голос переписчика нот. Королевские дворы всей Европы завидовали этой капелле. И знаете почему? Из-за ее акустики.

На пюпитрах появляются ноты, а затем вырастает фигура и самого переписчика. Продолжая свой рассказ, он поправляет ноты.

Переписчик нот (*вновь вокализируя*). О-о-о! Слышали? Звук прозрачный, без всякого эха. Это идеальное место, чтобы слушать музыку, никакой реверберации. (*Кашляет.*) На этом подиуме стояли самые большие дири-

жеры – это было для них высочайшей честью. А какие тут были музыканты, какая публика! Приходили министры, послы, священники, приносили с собой партитуры... извините *(поднимает упавшие ноты)*... чтобы с ними в руках слушать музыку. А сколько красивых дам, элегантных, декольтированных... *(Поднимает еще несколько соскользнувших с пюпитров листов.)* Ах, это вы мне назло? *(Снова интервьюеру.)* А какой стоял аромат... Да, тогда тут царил совсем иная атмосфера. *(Уходит в глубь зала.)* Нынешняя публика уже не та... Но я, наверное, надел вам своей болтовней... *(Зажигает свет, оборачивается, удовлетворенно улыбаясь, оглядывает зал с инструментами, пюпитрами и только что разложенными нотами.)* Ну, я все расставил по местам. Не правда ли, красиво? Но я всего лишь переписчик нот *(направляется к письменному столу)*, последняя спица в колесе... Еще годик *(легонько подпрыгивает и свистит)* и я ухожу на пенсию! *(Смеется, довольный.)* Ха-ха, буду приходить сюда только слушать концерты... Это уж обязательно. *(Садится за стол и включает лампу.)* Я не смогу жить без музыки *(Принимается за работу.)*

Быстрый проезд камеры по пюпитрам с раскрытыми нотами, потом крупным планом – лицо первой скрипки. Он улыбается и, глядя в объектив камеры, снимает шляпу.

Первая скрипка. Добрый день всем! Я знаю, что сегодня у нас тут в гостях телевидение, которое хочет снять хороший документальный фильм о нашем оркестре. Итак, мы находимся в прекрасном концертном зале, который, как вы, наверное, знаете когда-то был церковью... церковь тринадцатого века... и видите – здесь древние гробницы, а здесь, справа от меня...

Голос переписчика нот *(почтительно)*. Профессор, об этом я уже рассказывал...

Первая скрипка *(раздраженно)*. А... Значит, так... Я первая скрипка и...

Входит пианистка.

Голос пианистки *(весело)*. Добрый день! Здравствуйте!

Первая скрипка. Здравствуй, Мирелла! Послушай...

Входят другие оркестранты, неся свои инструменты и оживленно разговаривая.

Пианистка. Но помогите же мне снять этот чехол, в нем весу с добрый центнер.

Первая скрипка. Сейчас я тебе помогу.

Пианистка. Спасибо, профессор! Как самочувствие?

Первая скрипка. Неплохо... *(Подходит к пианистке. Украдкой, вполголоса.)* Послушай, будь осторожна, сделай вид, что ничего не замечаешь... *(Шепотом.)* Тут у нас с телевидения...

Пианистка оборачивается, видит телекамеру и улыбается с довольным видом.

Пианистка. Ах!

Кларнетист *(вытирая свой стул носовым платком, раздраженно бормочет)*. Хотел бы я знать, что они только делают с этими стульями. Это что-то невиданное! Грязные, липкие! *(Подозрительно обнюхивает стул.)*

На заднем плане один из оркестрантов что-то напевает, другой проходит, неся пирамиду стульев. Кларнетист с неодобрительным видом продолжает рассматривать стул. Орке-

странты на ходу передают друг другу стулья под какой-то легкомысленный мотив. Один из них ловит на лету брошенный ему стул.

Служитель (*на заднем плане*). Осторожно, поломаете!

Вместо ответа раздается неприличный звук. По воздуху летит еще один стул, и вновь раздается такой же звук.

Служитель. Да хватит вам!

Молодой музыкант. Эй! В четыре у меня сауна! Поняли? Слышать ничего не желаю!

Входит пара пожилых оркестрантов и, продолжая разговор, направляется к своим местам.

Первый оркестрант. «Змея», «лев», «камень» – всего десятка три позиций. Но в начале всего – мысль, сосредоточенность мысли...

Двое оркестрантов подходят к третьему, вынимающему из футляра контрабас.

Первый оркестрант. О! (*Контрабасисту*.) Поищи получше, может, найдешь там еще и торт?

Два виолончелиста идут, поддерживая под руки третьего, совсем дряхлого и чуть ли не парализованного.

Первый виолончелист (*старику*). Спокойно-спокойно, не спешите! Вы еще прекрасно ходите! (*Подставляет ему стул*.) Ну, вот мы и пришли!

Виолончелист Ло Кукко (*при виде приближающейся троицы*). Однако... По-моему, бедняга с каждым днем все больше сдает.

Другой виолончелист (*пожилой*). А, это вы, профессор! Ну вот вы и опять с нами!

Виолончелист Ло Кукко (*старику*). Вижу, что с вами все в порядке! Тихонько, тихонько, осторожнее!

Первый виолончелист. Готов побиться с профессором об заклад! Вот увидите, не пройдет и четырех месяцев...

Голос виолончелиста Ло Кукко. Дорогой профессор, хочу рассказать вам про моего дядю Куинтилио... До шестидесяти лет чего он только не вытворял – ел и пил за десятых, не знал устали с женщинами...

Старик виолончелист (*с одобрением*). Молодец! Ну и что же дальше?

Виолончелист Ло Кукко. А в один прекрасный день его хватил удар. Прощай, Куинтилио... Так нет же! Знаете, сколько ему сейчас лет? Девяносто три! И он жрет, пьет, как прежде, читает газету без очков. Ничто его не берет!

Ксилофонист (*развалившись на стуле, решает кроссворд. Входящему в этот момент оркестранту*). Эй, имя одного из сыновей Вертера? Начинается на «Г»...

Трубоч (*не отвечая ему, садится рядом со своим коллегой*). Подумать только, какими люди бывают сволочами...

Другой трубоч. Ты это говоришь о себе?

Первый трубоч. Я стоял перед зеленым светофором, а впереди какой-то тип не давал мне проехать. Я ему сигналю и вежливо говорю: «Разрешите проехать, я спешу на репетицию». А он смотрит на меня, словно на какое-то дерьмо, и отвечает: «А зачем тебе на репетицию? И так сразу видно, что ты шутишь гороховый!»

Сидящие поблизости оркестранты хохочут. Входит музыкант с транзистором, выдвигает антенну и прикладывает приемник к уху: передают репортаж о футбольном матче. Появляется флейтист, видит слушающего радио.

Флейтист. Ты что слушаешь, репортаж? А я сегодня не хочу – я себя совсем плохо чувствую! (*Первой скрипке, который разворачивает завернутый в носовой платок барометр*.) Профессор, что говорит ваш барометр?

Первая скрипка. Ну-ка поглядим, что показывает мой верный друг.

Флейтист (*иронически*). Ну как, можно рискнуть вытащить скрипку?

Первая скрипка (*глядя на барометр*). В самом деле, он сдвинулся на пятнадцать делений...

Флейтист. Значит, нельзя играть.

Первая скрипка. Дело принимает опасный оборот для здоровья моей скрипки.

Входит вторая скрипка, его шутиливо приветствует один из оркестрантов.

Оркестрант. Профессор, ну как сегодня поживает ваш кровопийца?

Вторая скрипка (*мрачно, не уловив иронию в вопросе*). Эх! Это нелегкая битва: кровосос не нападает, но он все время наготове, притаился в засаде...

Оркестрант. Вот сукин сын!

Вторая скрипка (*обиженно*). Вы все шутите... Не надоело еще насмеяться над мной с этим кровососом?

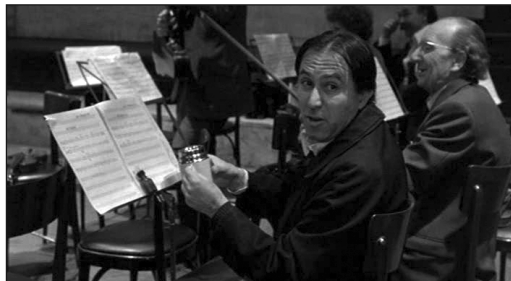
Оркестрант (*посмеиваясь*). Не сердитесь, профессор, вам это вредно!

Вторая скрипка. Да, невроз – это настоящий вампир. Вы и сами в этом убедитесь, рано или поздно он всех нас прикончит...

Флейтист (*ест булочку и вместе с двумя другими музыкантами слушает радиорепортаж. О каком-то игроке*). Мы дали за него восемьсот миллионов лир, но разве за него было бы жаль заплатить даже вдвое больше?

Оркестрант (*второй скрипке, который каплет в стакан лекарство*). Что это вы принимаете, профессор?

Вторая скрипка. Успокоительные капли.

Оркестрант (*по-прежнему с иронией*). Да, да, вам это полезно...

Вторая скрипка. Чего только я не перепробовал... (*С горечью*.) Ничего не помогает, даже делается хуже.

Трубач (*пробуя свой инструмент*). Что это с трубой, почему она не звучит? (*Смотрит на трубу с озабоченным видом*.)

Сидящие позади три тромбониста следят за ним, подталкивая друг друга локтями, заранее предвкушая удовольствие от своей шутки.

Тромбонист (*вполголоса, соседу*). Внимание!

Трубач дует в трубу, но из нее вырывается лишь хриплое шипение. Он продолжает дуть, а за его спиной другие оркестранты, еле сдерживая смех, следят за этой сценой. Когда же

из раструба появляется и, постепенно надуваясь, лопается презерватив, они раздражаются диким хохотом.

Трубач (*в гневе вскакивает, грозя шутникам трубой*). Гнусные негодяи!

Вторая скрипка. Так что такое, по-твоему, «Восемь с половиной»? Психологический фильм? (*Презрительно*.) Да лучше бы помолчал! Прежде чем говорить, узнал бы, в чем дело... Тебе еще ума набраться надо!

Тем временем первая скрипка слегка отставляет свой стул от пюпитра.

Вторая скрипка (*нервно*). Что он, с ума сошел? Как же я буду играть? Эй вы, синьор барометр! (*Нетерпеливо постукивает первую скрипку по спине*.) Встань-ка, мой дорогой, и поставь свой стул на место. Ты мешаешь мне играть!

Первая скрипка (*встает и объясняет*). Нет уж, извините, иначе пюпитр оказывается слишком близко, и я ничего не вижу. (*Двигает стул*.) Он должен стоять здесь!

Вторая скрипка (*отодвигая стул*). Ты что – шутишь? Нет, он должен стоять здесь!

Первая скрипка (*еще более нервно ставя стул на прежнее место*). С вашего разрешения, он должен стоять вот тут. Я ведь даже сказал «разрешите»! Я позабыл очки, прошу вас о любезности, а вы...

Вторая скрипка (*с нарастающим раздражением*). В конце концов я здесь не для того, чтобы оказывать любезности всяким типам вроде вас. Мне нужно играть, ясно?

Первая скрипка (*вновь передвигая стул*). Он должен стоять тут!

Вторая скрипка. А я хочу там!!!
Виолончелист смотрит на все это явно неодобрительно и с осуждением качает головой, как бы прося интервьюера проявить терпение.

Первая скрипка (*возвращая стул на место*). А я хочу здесь!!!

Вторая скрипка (*вне себя от ярости, ругается на романьольском диалекте*). Ах ты, собачья морда! Вон там твое место, а это мое...

Первая скрипка (*тоже выходя из себя*). Вы, знаете ли потише!!! Вы меня оскорбили... (*Переставляет стул.*) Здесь!

Вторая скрипка (*кричит*). Здесь!

Первая скрипка. Нет!!!

Вторая скрипка (*оркестрантам, которые наблюдают за этой сценой*). Да что только у этого типа в голове! Совсем пусто?! Ну, хватит... (*Снова первой скрипке.*) Хватит! Прекратите, ради Бога!

Первая скрипка. Нет. Это вы прекратите!

Входит администратор оркестра. Упершись руками в бока, он останавливается посреди зала и обводит оркестрантов испытующим и вместе с тем таящим смутную угрозу взглядом, пока они рассаживаются по местам. Потом поднимается на ступеньки для хора и, хлопая в ладоши, требует тишины.

Администратор оркестра. Господа! Пожалуйста, минутку внимания! У нас уважаемый гость – телевидение, оно приехало к нам со своими операторами и режиссерами, чтобы заснять репетицию нашего оркестра. Они также желают взять у некоторых из вас интервью...

Скрипачка Анджелика (*администратору, очень быстро*). Послушай, только не вздумай

давать интервью сам. Тебе это не выгодно. А не то я все расскажу.

Голос администратора. Да неужели? А что ты можешь рассказать?

Анджелика (*с вызовом*). Хотя бы то, что ты берешь с нас деньги...

Смех среди музыкантов.

Администратор. За ваше любезное участие – и это согласовано с вашим профсоюзным представителем – никакого вознаграждения не полагается.

Пианистка. Но мы-то не давали нашего согласия!

Свист и протестующий шум всего оркестра.

Голос молодого оркестранта. Господин Тринча это сверхурочная работа!.. Сверхурочная работа!

Администратор (*раздраженно*). Никакая не сверхурочная, кто это вам сказал?

Виолончелист Ло Кукко (*администратору*). Нет ничего подобного! Мы не согласны! В принципе можно было бы и согласиться, но с точки зрения профсоюзных норм это неправильно! Это вечное недоразумение с телевидением, которое оно никак не желает уладить!

Администратор (*указывая на сидящего рядом профсоюзного работника, который поднимается со своего места, чтобы ответить*). Вот представитель профсоюза, он защищает ваши интересы или нет?

Профсоюзный работник (*музыкантам*). Спокойно господа, спокойно...

Виолончелист Ло Кукко. Мы и так получаем гроши, а тут еще являемся с телевидения и при этом не собираются нам платить.

Глухой гул сотрясает стены. Только одна пожилая органистка встревожено поднимает глаза на потолок.

Голос Ло Кукко. Я понимаю, что публи-

ке, любящей музыку, хотелось бы увидеть, скажем так, еще и зрительный облик этих незаметных тружеников... Но поскольку это уже становится телевизионной программой (*входит в кадр*), телевидению следовало бы прийти к нам с подарком, с цветами, проявить хотя бы чуточку деликатности.

Профсоюзный работник. Одним словом, мы никого не принуждаем. Кто хочет давать интервью – пусть дает, а кто не хочет – не надо.

Голос гобоиста. Да какой же ты после этого профдеятель?

Голос профсоюзного работника. Однако позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство.

В это время входит арфистка. Некоторые встречают ее веселым мотивом из фильма с участием Лаурела и Харди¹.

Голос профсоюзного работника. Разве нам представится лучшая возможность, чем это интервью, которое можно использовать, чтобы шире ознакомить публику с нашими проблемами?

Арфистка (*поддразнивающим ее оркестрантам*). Какие хамы! Что за дураки!

Голос профсоюзного работника. С вопросом о компенсации, право на которую за нами не хотят признавать. Но мы ее добьемся!

Арфистка (*органистке*). Я видела сон, который мне не нравится, – лошадь у себя в комнате.

Органистка. Да, по-моему, тоже это не к добру... хотя зависит от того, какой масти была лошадь... (*О платье органистки.*) Хорошенький фасон!

Арфистка (*продолжающим посмеиваться над ней оркестрантам*). Идиоты!

В ответ ей раздается громкий смех музыкантов. Камера приближается к молодой пианистке.

Пианистка (*польщенная*). Ах, вы хотите взять интервью и у меня?

Флейтистка (*сидя позади, коллеге*). Ну а потом, значит, возьмут интервью и у нас?

Пианистка (*берет книжечку с заметками*).

¹ Стен Лаурел и Оливер Харди – популярная в 30–40-е годы комическая пара, снимавшаяся во многих американских комедиях. (*Примеч. пер.*)

Вот тут я записала, а кое-что мне подсказал он. (*Указывает на молодого музыканта.*)

Скрипач (*на заднем плане, флейтистке*). Так нам все-таки заплатят или нет?

Пианистка (*читает*). «Рояль словно король на троне. Он неподвижен», – это мне сказал Чекко. (*Кивает на молодого музыканта, стоящего у рояля.*) «Надо подойти к нему, отвесить поклон, придвинуть стул. Он как сказочное чудовище...» – это тоже Чекко придумал.

Флейтистка издевательски хохочет.

Голос пианистки. «...В самом деле, рояль внушает некоторое почтение и даже страх. Комната, где он стоит, становится его комнатой. Словом, это инструмент для королевского двора...»

Скрипач с большими усами (*на заднем плане, органистке, вполголоса*). А знаешь, я играл при дворе...

Голос интервьюера (*усатому скрипачу*). Как вы сказали, простите?

Усатый скрипач (*вставая*). Да нет, я говорю, что играл, при дворе...

Голос интервьюера. А где же?

Усатый скрипач. Перед королем Виктором-Эммануилом Третьим!

Оркестрант (*высовывая голову из-за сидящих перед ним флейтистки и молодого музыканта*). И он не велел тебя арестовать?

Вокруг взрывы смеха.

Пианистка. «...Я не желаю рояля... то есть у меня есть свой рояль, но я вовсе не хочу, чтобы он был лишь моим».

Мужской голос (*насмешливо*). В самом деле?

Пианистка. «Потому что все рояли мира – это как бы один рояль. Играть только на собственном рояле – это как-то ограничивает, это словно тормоз».

Голос (*продолжая подшучивать*). «Тормоз»?

Пианистка. «Я думаю, чтобы выразить себя надо...знакомиться с людьми, то есть нужно узнать как можно больше людей, встречаться как можно больше...» *(Начинает смеяться. Музыканту, который шутовски комментирует ее слова.)* Пожалуйста, перестань меня смешить...

Флейтистка *(приближается, садится на ступеньку для хора. С сильным ливорнским акцентом).* О'кей! Я из Марины-ди-Пиэа, но игре на флейте я училась в Калифорнии. Там на ней играют чуточку мягче, не так резко, как здесь. Флейта – это нежный, скромный инструмент. Этот инструмент ближе всего к человеческому голосу. Конечно, все так говорят о своих инструментах. Виолончель, мол, ближе всего к человеческому голосу, саксофон больше всего похож на человеческий голос, скоро скажут так и про барабан! Самое смешное, что и хор, когда хорошие хористы, тоже сравнивают с музыкальным инструментом! Но я настаиваю на том, что только одна флейта действительно способна воспроизвести человеческий голос. Какой у нее таинственный *(целует свою флейту)*, сверхъестественный звук!

Органистка *(перебивая).* Флейта укрощает диких зверей. А разве Аполлон не пробуждал флейтой мертвых?

Пианистка *(смеясь над словами органистки).* Ну и сказала!

Флейтистка. Это инструмент для борьбы и при свете солнца и при свете луны! И днем и ночью...

Голос одного из музыкантов *(иронически).* А почему ты не скажешь этому господину, что все флейтисты помешанные?

Флейтистка. Да, это правда... Действительно, так говорят. *(Задумывается.)* Кто знает, может, это оттого, что дуешь, дуешь, и ветер проникает во все поры и в голову... Не так ли? Конечно, все ждут, что мы выкинем

что-нибудь такое странное... *(Жонглирует инструментом и передает его коллеге.)* Уж сама не знаю почему... *(Высоко подпрыгивает.)* Ап! *(Смеется и кланяется аплодирующим оркестрантам.)*

Тромбонист *(интервьюеру).* Тромбон – инструмент, не похожий ни на какой другой. У него низкий голос, который словно хочет о чем-то мягко предупредить... Но он может быть и очень комичным: достаточно вспомнить цирковых клоунов, когда они обливают друг друга водой и, дразнясь, выпускают потешные звуки.

Голос органистки. Но это также и инструмент ангелов...

Первый тромбонист. Это правда. В самом деле, вы замечали, что на картинах Возрождения все ангелы играют только на тромбонах?

Второй тромбонист. А что, разве не здорово предстать перед Всевышним под звуки тромбона? Я – за!

Третий тромбонист на заднем плане смеется шутке.

Четвертый тромбонист. Я считаю, что

голос тромбона – это голос одинокого существа. Я схожу с ума от восторга, слушая его на берегу моря, зимой, когда кругом ни души.

Начинает играть. К нему присоединяются другие тромбоны а также трубы.

Четвертый тромбонист *(закончив играть, коллеге).* Хорошо, но концовочку ты выдал, как в варьете!

Пожилый скрипач в берете *(созерцая потолок, интервьюеру).* Вы знаете, мне нечего сказать. Нет. Я смотрел вот на ту нить паутины, там вверху, видите? Она длиной не меньше пяти-шести метров. От звука духовых она качалась туда-сюда. *(Виолончелисту.)* Смотрите, Ло Кукко, глядите!

Голос Ло Кукко. Ну в чем дело? А?

Пожилый скрипач в берете. Вы его видите? Видите паучка там вверху? Он уцепился за паутину... Идите сюда. Может быть, отсюда вы его увидите, Ло Кукко.

Виолончелист Ло Кукко подходит, пытаясь разглядеть паука.

Пожилый скрипач в берете (*по-прежнему указывая вверх*). Ну, видите его? Ну разве это не замечательно, что мы все собрались здесь, чтобы смотреть, как этот паучок качается, словно на качелях?

Тем временем еще один скрипач – его зовут Эспозито – подходит с другой стороны и тоже смотрит на потолок.

Пожилый скрипач в берете. Смотрите, Эспозито, посмотрите вы тоже... Вот этот паучок от звука (*понижая голос*) духовых...

Голос интервьюера (*ударнику*). Можно вас на минутку побеспокоить? Я хотел бы задать вам один легкомысленный вопрос...

Ударник (*с неаполитанским акцентом*). Прощу вас, пожалуйста. Говорите, говорите...

Голос интервьюера. Это правда, что между инструментами существует симпатия и антипатия?

Ударник. Это правда. Между инструментами бывает как сильная симпатия, так и антипатия. Мы, ударные, например, хорошо ладим с контрабасом, а почему? Потому что он задает темп – четко, точно, а не пускается выделывать разные там выкрутасы, зигзаги... Одним словом, арпеджио...

В разговор вступает другой ударник, который прислушивался, стоя позади и чистя свой пиджак.

Второй ударник. Да, конечно. Фортепиано, например, известный болтун. А взять скрипки – как они тянут из тебя душу... (*Продолжает чистить пиджак.*)

Барабанщик (*вмешивается в разговор*). В нашей стране, в Италии, в общем, не слыш-

ком в чести ритм. Да, мы больше ценим пение. Только одни неаполитанцы по-настоящему чувствуют ритм, недаром именно они – лучшие музыканты на ударных. Тарантелла где родилась?

Голос оркестранта (*иронически*). В Африке!

Барабанщик. ...В Неаполе, не правда ли? Так вот, я хотел бы еще добавить, если позволите, что музыканты на ударных к тому же самые симпатичные и самые остроумные. Да-да, они самые хорошие товарищи.

Литаврщик (*поддерживая его*). Да, то, что сказал Клаудио, это верно. Такой самодовольной, снисходительной мины, с какой скрипач или флейтист сидит в оркестре, у нас вы никогда не увидите.

Ударник одобрительно кивает из-за его спины и снова вступает в разговор.

Ударник. Если вы пустите ребенка в оркестр, к кому он сразу же подойдет? За что начнет хвататься? За тарелки, барабаны, потому что они доставляют чувство радости, веселой игры, праздника. Да и когда дирижер усталый, нервный, достаточно всего несколь-

ких ударов наших палочек, чтобы прогнать его печаль. Даже гобой со всей его грустью приходит в хорошее настроение... А ну-ка, начали!

Ударные отбивают веселый ритм.

Пожилый виолончелист (*с недоверчивым и враждебным видом, подошедшему к нему интервьюеру*). Нет-нет, я не желаю давать интервью. Я не люблю, когда меня снимают. Потом еще вдруг спутают с кем-то другим... Категорически – нет! (*Поворачивается спиной.*) Вот еще! Обратитесь лучше к моему коллеге. (*Показывает на сидящего во втором ряду Ло Кукко.*) Может быть, он...

Голос интервьюера. Профессор?..

Виолончелист Ло Кукко. Слушаю вас.

Голос интервьюера. Вы согласны ответить на пару вопросов?

Ло Кукко (*с покорностью и упреком в голосе*). Сказать по правде, вы того не заслуживаете, потому что без гонорара это несправедливо. Но раз уж вы здесь, то послушаем, что у вас за вопросы.

Голос интервьюера. Итак... О чем бы вас спросить. Скажите мне что-нибудь о виолончели.

Ло Кукко. Виолончель – это один из основных инструментов оркестра. Можно сказать так: скрипка и виолончель – это фундамент, на котором воздвигается здание любого симфонического концерта. Одним словом, все держится на них. Может, я ошибаюсь?

Голос оркестранта (*шутливо*). Да!

Голос скрипача (*сначала за кадром, потом в кадре*). Я вам скажу, что такое скрипка. Первая скрипка – это мозг, это сердце оркестра. Именно так!

Кларнетист (*на заднем плане, иронически*). А кларнет – это так, чепуха!

Оркестрантам понравилась острота, и они хохочут во все горло.

Ло Кукко. ...Я, знаете, сказал бы, что виолончель во всем напоминает идеального друга, да, подлинного друга – тактичного, преданного. Этим она отличается от скрипки. Скрипка может тебя пленить, обольстить, но также обмануть! Она как женщина...

Скрипачка Аида (*вполголоса, своему соседу*). Что за чушь мы несем...

Голос интервьюера. Что вы сказали, синьорина?

Аида (*робея*). Нет-нет, ничего.

Голос интервьюера. Вы не согласны?

Аида (*на этот раз решительно*). Нет! Со всем не согласна.

Голос интервьюера. И почему же?

Аида. Да потому, что мы считаем скрипку самым мужским инструментом во всем оркестре!

Голос оркестранта (*скрипачке*). Да-да! Браво, Аида!

Ло Кукко. Скрипка – это женщина. Разве она не пытается всегда обольстить тебя – так, как это делает женщина?

Аида (*возражая*). В таком случае, чтобы продолжить нашу игру словами, скажу, что скрипка абсолютно во всем – мужчина; она настойчива, в ней есть нечто фаллическое! Ну вот, я и сказала!

Оркестранты вокруг смеются и шумно обсуждают слова скрипачки.

Скрипач (*стоит рядом*). Я согласен с ува-

жаемой коллегой: в скрипке нет ничего женского, это вовсе не томный и жеманный инструмент. Скрипка вся дрожит от волнения, она в высшей степени современна. И доказательство – то, что сегодня так много молодежи хочет поступить в консерваторию именно по классу скрипки.

Контрафаготист издает на своем инструменте резкий насмешливый звук, как бы комментируя только что сказанное скрипачом. Это вызывает иронический смех других оркестрантов и одобрение двух сидящих в первом ряду виолончелистов.

Ло Кукко. ...Виолончель же. Наоборот.

Пожилой скрипач (*вполголоса*). Скрипка – это подлинное чудо оркестра. (*Интервьюеру.*) Да нет, я хочу сказать, что первая скрипка – это подлинная звезда оркестра. Если, на несчастье, нам попадается дирижер, который замедляет темп, или не делает пауз, или не умеет подчинить себе оркестр, то первыми замечаем это мы, стоит ему стать за пульт и поднять палочку... И тогда первая скрипка бе-

рет в свои руки бразды правления! Тогда она ведет оркестр и вполне успешно заменяет дирижера...

Ло Кукко. Да, но это не исключает...

Первая скрипка (*перебивая виолончелиста, с горячностью*). А кроме того, кому подаст руку дирижер по окончании концерта, когда начинаются аплодисменты? Первой скрипке! Знаете, что я как-то сказал одному знаменитому дирижеру? «Вы слишком любите духовые, вы просто капельмейстер!» Вот именно – капельмейстер! (*Разражается сардоническим смехом.*)

Пожилой скрипач (*сидящим рядом*). Но какое это имеет отношение к тому, о чем мы говорили? (*Интервьюеру.*) Извините.

Голос Ло Кукко. Как бы то ни было, но,

возвращаясь к виолончели, что и следует сделать, сразу скажу: это инструмент, который никогда не предаст. Однажды избрав тебя, он навеки остается твоим товарищем.

Контрафагот вновь издает насмешливый звук. Некоторые оркестранты смеются.

Голос Ло Кукко. Кретин!

Пожилой скрипач (*указывая с видом бессильного возмущения*). Контрафагот... Инструмент для цирка!

Вторая скрипка (*мрачно*). Мне хотелось бы сказать только одно: я всем обязан скрипке.

Скрипач (*сидит позади*). Да, это так.

Вторая скрипка. Она позволила мне в жизни опередить многих.

Скрипач. Это верно...

Голос интервьюера. В каком смысле?

Вторая скрипка. В том смысле, что подсадила мне, как преодолеть диссонансы внутри себя.

Кларнетист (*интервьюеру*). Вы что, хотите взять у меня интервью?

Интервьюер. Да.

Кларнетист. Тогда я пересяду вон туда.

Интервьюер. Но ведь можно и отсюда.

Кларнетист (*вставая*). Нет-нет, место кларнета там.

Голос одного из оркестрантов (*с иронией*). Причешись, Сапоне, ведь тебя увидят по телевизору женщины!

Кларнетист (*сидя на своем месте*). Да-да, конечно, кларнет... Так вот, мне кларнет помог выбраться из тумана; моего селения – Газольдо в низовье реки По. С конца августа до апреля следующего года его не увидишь, оно исчезает. Исчезает колокольня, исчезает школа, исчезает...

Голос интервьюера (*отчужденно*). При чем тут в это? Не...

Кларнетист. Ах, но ведь я вам объясняю: потому что, играя на кларнете, я объехал весь мир и достиг в жизни того, что сам великий Тосканини сказал мне: «Браво, молодой человек! Наконец-то я слышу хорошую игру на кларнете!» Да это его подлинное слова, именно так, слово в слово: «Браво молодой человек! Наконец-то я слышу хорошую игру на кларнете!»

Гобоист. Я не расслышал: что он тебе сказал?

Кларнетист. Не расслышал? Он мне сказал: «Браво, молодой человек, наконец-то я слышу хорошую игру на кларнете!»

Голос одного из оркестрантов (*насмешливо*). А кто же играл на том кларнете?

Кларнетист (*совершенно растерявшись от этого вопроса*). Как – кто? Это я играл!

Трубач Мацциери (*интервьюеру, вынимая трубу из футляра*). А я скажу, что это инструмент, обладающий исключительной страстью. Я не говорю уже о его музыкальных возможностях, которые поистине чудодейст-

венны: на трубе ты можешь исполнять самые сложные, самые головоломные музыкальные пассажи. Но не в том дело. Самое замечательное, что этот инструмент позволяет тебе лучше и сильнее выразить все, что у тебя внутри. Веселье, грусть... тишину...

Администратор оркестра (*в телефонную трубку*). Что-что?.. Кому? Клаудио?.. Поговори-ка ты об этом с ним лучше сам!

Мацциери (*администратору и профсоюзному работнику*). Вы что, не можете помолчать? Я же даю интервью!

Профсоюзный работник (*берет телефонную трубку*). Может быть, мы ошиблись все трое. Случается.

Мацциери. ...Для меня труба вроде паспорта, пропуска, чтобы попасть в другое измерение. Кто играет на трубе, поймет, что я хочу сказать... Это измерение, где все наполнено до краев, где все более ярко, торжественно, и там нас много – тех, кто играет на трубе... Мы там все вместе...

Другой трубач. Мацциери, скажи ему, что нам, трубачам придется упражняться больше, чем другим...

Голос интервьюера. Говорите громче! Что он сказал?

Трубач (*вставая*). Что у нас всех от этого лопаются кожа на губах.

Мацциери. Знаете, мой коллега говорит сущую правду. Нам часами приходится смачивать губы, чтобы смягчить их перед игрой. В самом деле!

Тромбонист (*стоя*). Приблизительность, которая терпима при игре на других инструментах, на трубе недопустима!

Протестующие голоса оркестрантов.

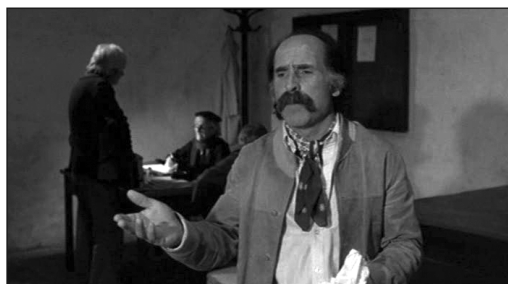
Скрипач (*вставая*). А разве смычковые не должны быть столь же точны? Лучше заткнись!

Трубач (*сидит*). Сфальшивить на трубе – это светопреставление!..

Мацциери. Я заболел, лишился сна, у меня поднялось давление! Я стал лунатиком! Меня разбудили, когда я стоял в одной пижаме в подъезде моего дома и с закрытыми глазами играл на трубе. (*Смеется.*) Все время живу в вечном страхе сфальшивить...

Профсоюзный работник (*в телефонную трубку*). Но ведь работа была выполнена... Ты должен это признать!

Администратор оркестра (*встает и нервно выхватывает телефонную трубку*). Дай-ка его мне!.. Алло! «Согласно параграфу девять» я тебе никогда больше никого не пришлю! Можешь устраивать концерты с граммофоном, тогда ты узнаешь, как хитрить

и что значит договариваться с людьми!.. Уж мне-то известно, что такое оркестр! (*Вне себя.*) Ты понимаешь?! Уж мне-то известно! (*Бросает в ярости трубку и встает, широко расставив ноги и уперев руки в бока, перед оркестром; грозно смотрит на него.*)

Оркестранты тем временем настраивают свои инструменты, производя сильный нестройный шум. Сквозь эту какофонию слышится голос профсоюзного работника, отвечающего на вопросы интервьюера.

Профсоюзный работник. Да, я являюсь представителем нашего профессионального союза и охотно вам отвечу. Нам удалось избавить музыканта от состояния нетерпимого более сервизма, возвратив труженику музыки его человечески достоинство: он теперь уже не сдельщик, не марионетка в руках администраторов и посредников, а интегрированный трудящийся, добившийся реализации своих способностей и сознающий свою функцию – нести культуру в массы. Каким же образом нам удалось выполнить эту задачу, которая казалась недостижимой. Отстаивая его престиж как профессионала высокого класса посредством выдвижения целого ряда требо-

ваний, начиная с требований, касающихся повышения заработной платы... Что ты там говоришь?

Голос одного из оркестрантов (*подскакивает*). Покончили с нашей мафией, устранив фигуру посредника.

Профсоюзный работник. Об этом потом ты скажешь, сам заткнись! (*Снова интервьюеру.*) ...Посредством, как я говорил, выдвижения платформы, содержащей требования, начиная от пересмотра самой структуры кадров до перехода на более передовые позиции...

У него за спиной два оркестранта попеременно переставляют пюпитр каждый поближе к себе.

Первый оркестрант (*придвигая пюпитр*). Эй, в чем дело?

Второй оркестрант переставляет пюпитр.

Первый оркестрант (*нервно*). Вы что, не понимаете?

Второй оркестрант (*апеллируя к коллегам*). Ну что мне с ним делать?

Тромбонист (*неожиданно вскакивает с криком*). Смотрите: крыса!

Пианистка испуганно взвизгивает, многие вскакивают, чтобы увидеть крысу, тромбонист бежит к дверям.

Пианистка. Караул! Она вон там, там!

Оркестрант. За картиной! За картиной!

Несколько оркестрантов бросаются к картине, висящей на стене.

Тромбонист (*обнаружив крысу за картиной*). Она здесь!

Оркестрант. Черт возьми, ну и здоровенная!

Слышны вопли пианистки и крики оркестрантов.

Пианистка (*стоя на стуле, указывает пальцем*). Вон она, там! Там! (*На лице ее отвращение.*)

Голос оркестранта. Ну и жирнущая!..

Органистка. Не убивайте ее! Не убивайте...

Барабанщик (*бежит за метлой, которую ему протягивает трубоч*). Дай-ка ее мне! (*Бросается к картине, чтобы выгнать крысу.*)

Ударник-неаполитанец (*наблюдающий эту сцену вместе с остальными*). С этими работами по сносу открыли все канализационные люки.

Оркестрант (*подбегая с зажженной газетой*). Вот мы ее сейчас огнем! Дайте пройти! Ну, давай, суй туда огонь... Лови ее, лови!

Все трое с гиканьем и хохотом мечутся вокруг древней надгробной плиты, за которой теперь спряталась крыса.

Один из трех оркестрантов. Осторожней! Хватай ее! Держи!

Другой оркестрант. Черт бы ее побрал, не хочет дышать! Еще кусается!

Арфистка с отвращением и ужасом наблюдает за этой сценой и бросается к оркестранту, который приближается к ней с садистской улыбкой.

Оркестрант. Вот полюбуйся!

Арфистка (*пронзительно кричит*). Не показывайте мне ее, не показывайте!

Крыса наконец поймана и убита. Один из троих, подняв ее за хвост, демонстрирует профсоюзному работнику.

Голос ударника-неаполитанца. Давайте сварим ее! Приятного аппетита!

Профсоюзный работник (*барабанщику, который держит крысу*). Ну, хватит! Унесите ее! Мерзость! Выкинь же ее!

Оркестрант (*профсоюзному работнику*). Эй, ты нам должен выплатить специальную надбавку за работу с крысами!

Профсоюзный работник (*хлопая в ладоши*). Господа, займите свои места!

Оркестрант (*шутя, пианистке*). А ты задрала юбку!

Профсоюзный работник. Все по месту! Пришел маэстро.

Голос оркестранта (*коллеге, о шутке, проделанной раньше с трубачом*). Эх, надо было нам засунуть ему в трубу крысу, раз у него такое сильное дыхание! (*Смеется.*)

Другой оркестрант (*напевает*). Прибыл маэстро!

Старый виолончелист (*дирижеру, только что ставшему за пульт*). Мое почтение, господин дирижер.

Дирижер (*интервьюеру, который подходит к нему с явным намерением задать вопрос*). Это просто ужасно... (*Раздражен вторжением телевидения и ярким светом*.) Простите, пожалуйста, но сейчас у меня нет времени... Да, я знаю... (*Нервничая*.) Будьте любезны, погасите этот свет, он ужасно мешает. Да, я знаю, что у вас имеется разрешение на съемку, но я решительно против этого. (*Гобойсту*.) Гобой!..

Пожилой скрипач в берете (*соседу*). Ноги мерзнут... Забыл дома теплые туфли... черт побери!

Дирижер (*интервьюеру, зашнуровывая ботинок*). И почему вас так интересует музыкальная репетиция? Это вроде фабрики, завода, во всяком случае должно было бы походить на завод, где мы пытаемся что-то создать, да, пытаемся... (*Оркестрантам*.) Так что же мы с вами пробуем построить сегодня? А? (*Интервьюеру*.) Мы пробуем создать нечто, а что именно и для чего это нужно, я так никогда толком и не мог понять. Вы меня извините, но сейчас время репетиции. Поговорим с вами после... благодарю вас, после, после.

Стучит палочкой по пульта, чтобы привлечь внимание оркестрантов. Свет включен

ных юпитеров продолжает вызывать его раздражение!

Дирижер (*интервьюеру*). Пожалуйста, включите этот свет! (*Вновь стучит по пульта оркестрантам*.) Струнные, только струнные, прошу вас. (*Взмахивает палочкой*.)

Оркестранты начинают играть.

Дирижер (*строго*). Прошу! (*Сдерживаясь*.) Скрипки, что с вами? Может, вы между собой повздорили? Потому вы и играете (*постепенно выходя из себя*) каждый как ему вздумается, каждый свое? А может быть, у вас неодинаковые партитуры?

Скрипачка, жестом выражая досаду и раздражение, тяжело вздыхает.

Кларнетист (*шутливо*). Ну конечно!

Скрипачка Анджелика (*кларнетисту*). Да зачем ты ему отвечаешь?

Оркестрант (*на ухо кларнетисту, продолжая ранее начатый разговор*). Ты мне должен дать пятнадцать тысяч...

Дирижер. Пожалуйста, внимание!..

Подает знак начать сначала. Оркестранты

играют. С подчеркнuto мученическим видом дирижер прекращает дирижировать, но оркестранты, не замечая этого, продолжают играть.

Дирижер. Стоп! Хватит! (*Оркестр умолкает*.) Играйте нежнее, мы тут не в луна-парке! С чувством, но тоньше... У вас в руках скрипки, а не трубы. (*Ругается по-немецки*.) Дерьмо! Ах, флейта, тут ми-бемоль, а не простое ми...

Флейтистка (*уязвленно*). Здесь написано простое ми.

Дирижер (*пока еще терпеливо*). Здесь ми-бемоль, посмотреть внимательнее.

Флейтистка. Я играю то, что написано...

Трубач (*вмешиваясь*). Нет, маэстро, здесь простое ми...

Дирижер. Тогда исправьте! Почему-то вечно только у вас ошибки в нотах. Не странно ли? Кларнет! У-а-а... *(Изображает игру.)* Нет-нет, у-а-а-а... Вот как надо играть. Нежно, мягко...

Кларнетист хохочет во все горло.

Дирижер. Чему вы смеетесь? Это вовсе не смешно!

Кларнетист *(указывая на ноты).* Маэстро, а мне этот пассаж кажется очень комичным! *(Смеется.)*

Дирижер *(кларнетисту).* Я не думаю, что композитор предполагал тут юмористическую окраску. Ваш смех совершенно неуместен!

Кларнетист. Да послушайте сами... *(Повторяет пассаж и вновь раздражается смехом.)* И мой коллега тоже смеется! Это действительно смешно!

Голос скрипача. А меня смех разбирает глядеть на тебя – ну что у тебя за рожа!

Дирижер подает знак, и оркестр играет.

Администратор оркестра, не обращая никакого внимания на репетицию, продолжает разговаривать по телефону:

– Ну нет, кларнетистов я пошлю тебе четырех... Знаю-знаю, дорогой мой, но даже если тебе нужен всего один, все равно придется взять четверых!

Ксилофонист *(барабанщику).* ...Но «травка» не дает такого эффекта!

Пианистка смеется.

Оркестрант *(арфистке).* Что ты говоришь? Не слышу.

Арфистка. Я потом тебе скажу, потом.

Трубоч *(на заднем плане, коллеге, который слушает по транзистору репортаж о футбольном матче).* Кто сейчас забил гол?

Флейтистка *(обмахиваясь подолом платья).* И почему я не осталась в Калифорнии?

Голос одного из оркестрантов *(с игривым намеком).* Гляди-гляди, там мышка!

Флейтистка, смеясь, изображает притворное возмущение. Дирижер продолжает дирижировать, но постепенно его лицо все больше искажает гримаса отвращения.

Дирижер *(страдальчески передергиваясь).* Ах...

Оркестранты один за другим прекращают играть и глядят на него.

Дирижер *(с трудом сохраняя спокойствие).* Где мы с вами находимся? Может быть, на футбольном поле? А меня вы принимаете за судью? *(Ярость его прорывается наружу.)* Слишком громко! Слишком пронзительно! Вас всех надо кастрировать! *(Смахивает с люпитра ноты, и они разлетаются.)*

Первая скрипка *(вполголоса, сидящей рядом скрипачке).* Он прав... Духовые звучали слишком громко...

Флейтистка *(возбужденно смеясь).* Что за феноменальный тип!

Дирижер в гневе швыряет последний лист.

Профсоюзный работник *(переписчику нот).* Идем соберем ноты.

Администратор оркестра *(на заднем плане, в телефонную трубку).* Слушай, я тебе еще пришлю некоего Чиччо Каламиду. Нет-нет, он ни на чем не играет, но ты его должен включить потому, что заместитель министра в министерстве...

Пожилой виолончелист *(о вспышке ярости дирижера).* Кто его знает, с чего это он

так? Захотел дать нам передохнуть? И на том спасибо.

Скрипач Эспозито (*оборачивается к сидящему позади коллеге*). А помнишь в «Сан-Карло» того психа, который запустил в меня часами!

Администратор оркестра (*в телефонную трубку*). Так, значит, завтра утром? И если заплатят четыреста, то получишь от меня двадцать... Ладно-ладно, до воскресенья в Торвайянике. Привози и малыша... Хорошо? Чао!

Дирижер (*взяв себя в руки*). Итак, репетируем «Галоп» с пятнадцатого такта.

Оркестрант (*ища в партитуре*). Вот он!

Дирижер подает знак начать. Оркестранты начинают играть, но дирижер почти тотчас их останавливает.

Дирижер (*стуча палочкой по пульту*). Стоп!.. Вы что боитесь как следует взять в руки смычки или у всех вас низкое давление? Сначала! (*Подает знак*.)

Оркестранты играют. Снова дирижер их останавливает.

Дирижер. Стоп!.. Гобой! Не так навязчиво! Ведь, знаешь, тут не ты один. Сначала! (*Подает знак*.) Стоп! Вы что, щекочете струны? Вы должны смычком резче обрывать звук, играть суше! Можно теперь всех вас спросить? Скажите на милость, вы понимаете, зачем вы здесь собрались? Я надеюсь, что обращаюсь к музыкантам? Я хочу, чтоб оркестр звучал как единое целое. (*Кричит*.) Сначала!

Репетиция «Галопа» продолжается.

Дирижер (*все энергичнее размахивает палочкой, пытаясь подчинить оркестр, увлечь его за собой*). Я не слышу вас, где вы? Громче, басы, громче! Не отставайте! (*Кричит по-немецки*.) Вот так, продолжайте! Держите темп!

Некоторые музыканты один за другим

поднимаются со своих мест и снимают с себя кто плащ, кто пиджак, а кто и рубашку.

Дирижер (*не прекращая дирижировать, орет во всю глотку, заглушая музыку, по-итальянски, то по-немецки*). Вот так. Так!.. Давай!.. Вы должны с этим справиться!.. Хорошо!.. Четыре, пять, шесть!.. Внимание! (*Поднимает палочку, давая знак остановиться*.)

Оркестранты останавливаются, приводят себя в порядок, откашливаются.

Дирижер. Кларнет Тосканини, прошу вас, будьте настолько любезны и повторите, один только вы, четыре такта, начиная с восемьдесят второго.

Кларнетист. Нет! Я сыграл один раз, сыграл второй, а третий раз в соответствии с профсоюзным соглашением мы не играем.

Пианистка. Ну это уж слишком!

Другой кларнетист (*сидящий рядом*). Коллега прав! Пассаж исполняет вся группа: или все вместе, или никто!

Пианистка. Да хватит вам... Перестаньте...

Дирижер (*покорно соглашается*). Ах да! Ну что ж...

Голос кларнетиста (*бормочет*). Мы уже все совершеннолетние. Что мы тут, по-вашему, в школе?

Дирижер. А я еще раз повторю! Если бы Вагнер должен был иметь дело с профсоюзами и забастовками, он никогда не написал бы своих произведений!

Виолончелист (*вполголоса, как бы про себя*). А этот готов винить профсоюзы в том, что сам не сумел написать ничего порядочного.

Дирижер (*услышав это*). Да! Мне не хватает мира, спокойствия, тишины... Это не жизнь, а дерьмо!

Скрипачка Анджелика (*дирижеру*). Так

вы это дерьмо намажьте на свою палочку, а потом хорошенько ее оближите.

Сидящие вокруг оркестранты смеются.

Дирижер (*стуча палочкой по пульту*). С пятьсот двадцатого такта. Флюгельгорн! Флюгельгорн, пожалуйста! Флюгельгорн?

Снова слышится какой-то глухой шум.

Голос Анджелики. Что это такое?

Дирижер. Я спрашиваю: где флюгельгорн?

Оркестрант Оттавино. Он не пришел.

Дирижер. Что значит – не пришел?

Оттавино. А я почему знаю? Нет его...

Администратор оркестра (*в телефонную трубку*). Шестьдесят и сорок...

Профсоюзный работник (*вставая, дирижеру*). Флюгельгорн не смог прийти, маэстро, а что?

Дирижер. Как – что? Лишь сейчас я узнаю, что тут нет флюгельгорна!

Профсоюзный работник (*угрожающим тоном*). Тогда скажу по-другому. Он не то чтобы не смог, а не захотел прийти...

Администратор оркестра (*оставив телефон, вмешивается в разговор*). В знак протеста, маэстро, с согласия местной организации профсоюза, членом которой этот Бентиволью является.

Дирижер (*обоим*). И кто же теперь будет играть на флюгельгорне? (*С иронией*.) Его сестра?

Профсоюзный работник (*угрожающе*). Эй, маэстро, оставьте в покое мою сестру, она здесь ни при чем! И лучше не будем трогать родственников, понятно?

Дирижер. Да я не имел в виду вашу сестру...

Профсоюзный работник. Нет, вы сказали «его сестра», я не глухой.

Дирижер. Я не говорил «ваша сестра», я имел в виду сестру флюгельгорна! Не вашу!

Профсоюзный работник. Я не такой умник, как вы, чтобы различать всякие тонкости! Вы выполняйте свою работу дирижера, машите себе палочкой, а наших родственников не трогайте. Понятно?

Дирижер (*снова поворачивается к оркестру*). Значит, продолжим с такта пятьсот двадцатого, прошу вас.

Администратор оркестра (*вмешиваясь*). Ну нет, маэстро! Нет, теперь хватит! Музыканты слишком возбуждены. Извините, но я думаю, что они не могут продолжать репетицию.

Дирижер (*опершись о пульт, с выражением бесконечной усталости и безнадёжности*). Какого черта... Чего вы от меня хотите? (*Со все усиливающимся возмущением*.) Вы что, хотите свести меня с ума? Чего вам надо? (*Вне себя*.) Хотите взять меня за задницу?! (*Показывает им ее*.) Вот она, полюбуйтесть.

Оркестранты протестуют.

Профсоюзный работник. Господа, для всего оркестра двойной перерыв – двадцать минут!

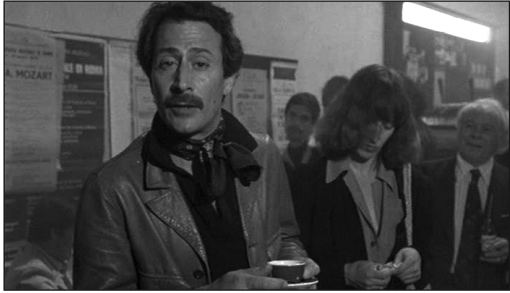
Дирижер и профсоюзный работник с вызовом смотрят друг на друга. Дирижер уходит. Оркестранты встают и отправляют на перерыв.

Оркестранты в буфете. Помещение полно табачного дыма, и голоса разговаривающих заглушает включенный на полную мощность музыкальный автомат.

Оркестрант (*по-видимому, отвечая на вопрос интервьюера*). Этот дирижер? По-моему, он достаточно хорош. Немного истеричен, но в терпимых пределах, а то ведь есть такие, что...

Скрипачка Анджелика (*выражая жестами свое неодобрение*). Но кому теперь нужны такие дирижеры? Достаточно иметь исправный метроном. Тик-так, тик-так...

Скрипачка Аида. Публике следовало бы слушать музыку, находясь среди нас, внутри оркестра, потому что тогда она слышала бы ее по-другому... Это как разница между сражением, увиденным в кино, и настоящим, во время войны...

Пожилой скрипач. Высокий, аскетичного вида, болезненно чувствующий, властный, полный магнетизма! Вот портрет большого дирижера...

Усатый скрипач. А потом еще бывает тип мистиков, жрецов, а также тип акробатов и такие, которым нравится корчить из себя укротителей львов...

Пожилая скрипачка (сидит за столом). Потом я играла на арфе, скрипке, барабане, турецком барабане, даже на фаготе. (Смеется.) Вот была потеха!

Скрипачка Аида (соседу). Дело в том, что когда перед тобой телекамера, ты сразу становишься идиотом и несешь неизвестно что...

Оркестрант (на заднем плане). Джованна!

Первая скрипка (пьет маленькими глоточками лимонад). Я хочу, чтобы мой маэстро сверху смотрел на меня. (Улыбается.) Если он не смотрит, я его ревную!.. (Пьет.)

Оркестрант (виден со спины). А к кому? Группа оркестрантов играет в карты, по очереди с шумом хлопая ими о стол.

Бармен (в камеру). Я в кадре? (Запевает римскую песенку.) «В садах Рима цветут ландыши...»

Оркестрант Оттавино. ...Но дружба – это совсем другое дело: мы же никогда не встречаемся вне оркестра. Утром приходишь на репетицию, ставишь отметку на свою карточку, при выходе снова отмечаешься – и все, не так ли?

Первый тромбон (сидит рядом). Это все равно, что работаешь на ФИАТе. Да-да!

Контрафаготист (интервьюеру). Вы мне?.. Я мечтал с этим инструментом объехать весь мир, а вместо того все время торчу здесь.

Голос оркестранта Оттавино. Дай-ка послушать, что говорит наш Караваджо, не мешай.

Контрафаготист (берет инструмент и глядит на него). Я не в силах больше выносить эту нелепую пукалку. Она заставляет меня чувствовать свою бесполезность. Оркестр мог бы без нее прекрасно обойтись. К чему она, зачем нужна? Но она, кроме того, и опасна, это настоящее бедствие. Ты полностью выкладываешься, чтобы извлечь из нее какой-то звук, мелодию, а у тебя получается черт знает что, какое-то шипение... Так вот, я считаю, что мой инструмент – это символ тупости, ограниченности мысли...

Первый тромбонист (сидит напротив него). Да, это так! Сухая правда!

Контрафаготист. Здесь у нас внутри оркестра, сложились такие отношения, которые препятствуют... любому типу контактов

Первый тромбонист. Откуда эта отчужденность среди оркестрантов? (Интервьюеру.) Я хотел сказать, что многие музыканты приехали из провинции...

Скрипач Эспозито (обиженно). Какая еще провинции? Я вот, например, из большого города – из Афраголы!

Первый тромбонист. К сожалению, надо признать, что оркестранты – люди в культурном отношении не слишком развитые, круг интересов у нас довольно узок. Чем мы интересуемся? Да ничем! Да-да, мы приклеились на всю жизнь к куску дерева или металла, именуемому музыкальным инструментом. Кто дует в него, кто его щиплет...

Скрипач Эспозито (скорее себе самому, чем интервьюеру). Всей жизни не хватит, что-

бы объяснить, зачем только этот философ стал музыкантом...

Оркестранты смеются.

Ксилофонист (*прислонившись спиной к стойке бара*). Я хочу сказать только вот что: все, что вы тут все натрепали насчет профсоюзов, администрации, политики, духовых, смычковых, дирижеров таких и этаких... мне это все до лампочки. Мне нет до этого никакого дела! Вот! Почему? Да потому, что у меня больше не работает вот этот мой инструмент! Вот чем настоящая трагедия! А вы мне с вашими профсоюзами!

Все смеются.

Некоторые музыканты остались в зале, ожидая, когда кончится перерыв. Скрипачка приложилась к маленькой бутылочке, а ее муж (он сидит чуть впереди) обернулся и, качая головой, смотрит на жену с презрением и ненавистью.

Скрипач-муж (*протираяя смычок женой скрипки*). Пей-пей! Тебе это очень полезно для печени и для головы!

Скрипачка-жена (*убрав бутылочку*). Это вовсе не виски – всего один глоточек сухого белого вина, чтобы немного подбодриться.

Голос оркестранта (*на венецианском диалекте, примирительным тоном*). Да ничего, капелька вина всем полезна, от нее никакого вреда не будет. (*Смеется.*)

Скрипач-муж. Это виски – я видел, когда она наполнила бутылочку. Да к тому же я прекрасно различаю по запаху, он доносится даже сюда. Но поступай как знаешь...

Скрипачка-жена. У каждого свои грешки. Лучше немножко выпить, чем бегать за девочками... Когда-нибудь дело кончится тем, что про тебя напишут в газетах. Это похуже, чем виски!

Музыкант с тубой-басом (*опершись на*

свой инструмент, сидит на ступеньках для хора. Интервьюеру). Это не я выбрал тубу, а она выбрала меня. Я хотел играть на трубе, у меня от нее мурашки бегали по коже. Вы помните, как в армии по вечерам играют отбой? (*Напевает.*) Паа-паа-па-па-пааа-а!..

Флейтист (*сидя на футляре, ест бутерброд*). Меня тоже от трубы прошибала слеза... Но потом, едва она смолкала, я удирал из казармы...

Музыкант с тубой-басом. ...Я человек очень чувствительный, искусство вызывает у меня слезы. Я скажу вам даже больше: иногда мне хочется умереть.

Оркестрант. И почему же ты хочешь умереть?

Музыкант с тубой-басом. Ну потому, что мир стал ужасным, злым. Мне хочется туда, где мой папа.

Оркестрант. Что за чушь ты несешь?

Музыкант с тубой-басом. Это действительно так! Ну ладно, лучше поговорим о моем инструменте. То, что никто не желал на нем играть, меня взволновало. Бедная туба! Она лежала одна-одинешенька, одинокая, как бродячая собака, и мне показалось, что она чем-то похожа на меня. Грустная, одинокая,

как я, нелепая, неуклюжая, как я! Я подумал: мы двое должны быть вместе. Так я и поступил. И правильно сделал, это была судьба! И теперь я не могу ее уже оставить. Мы стали с ней настоящие друзья! (*Гладит инструмент.*) В грустные минуты, когда бывает печально, мы вдвоем – я и она – садимся у окна, глядим на луну и исполняем вот это соло Верди. Хотите послушать? В самом деле?

Интервьюер. Да... конечно... небольшой отрывочек...

Музыкант играет на тубе под аккомпанемент арфы.

Голос оркестранта-венецианца. И по-

чему это в музыке каждый слышит только то, что хочет услышать?.. Музыка – это дело субъективное. Например, некоторые, когда слышат фа-диез, си-бемоль, на каком бы инструменте ни играли, готовы упасть в обморок от охватывающей их нежности...

Виолончелист Ло Кукко (*стоя на заднем плане*). А есть и такие, у которых начинаются видения Святой Мадонны! Мир тем и прекрасен, что так разнообразен!

Оркестрант-венецианец. Хорошо, если бы так было...

Гобоист. Какой замечательный инструмент гобой! Вы знаете, что он самый древний из всех? Его придумали китайцы. И он самый трудный, самый тонкий, самый одинокий. Мы, гобоисты, всегда стоим особняком, нам завидуют, нас недолюбливают. И ничего не поделаешь – потому что оркестр сводит счеты с гобоем... За то, что это гобой диктует законы...

Органистка (*гадая на картах профсоюзному работнику и администратору оркестра*). А сейчас вам выпала карта, обозначающая казенный дом...

Голос гобоиста. ...Это он определяет диапазон между самым высоким и самым низким тоном, и за эту его привилегию скрипка ненавидит гобой, а гобой, естественно, скрипку.

Ло Кукко (*не соглашаясь с гобоистом*). Ну...

Гобоист. Это инструмент, помогающий духовно возвыситься. Он развивает в том, кто на нем играет, некий особый дар: внутреннее зрение, которое позволяет увидеть цвет звука. Я играю и вижу, как все вокруг становится золотым... все сверкает... заполняется солнечным светом!словно какое-то гигантское отражение, которое наполняет меня блаженством...

Ло Кукко (*повернувшись к сидящему позади него коллеге*). А знаете, это верно. Я тоже однажды увидел, как будто... какую-то широкую полосу...

Гобоист. Сверхчеловеческие ощущения!

Голос оркестранта. Энди, сыграй что-нибудь. Вам будет интересно послушать?

Голос интервьюера. Да. Но что это за грохот?

Гобоист. Да, конечно. Если вам не будет скучно.

Коридор перед артистической уборной дирижера. Старый переписчик нот осторожно стучит в дверь, потом заглядывает, окликает.

Переписчик нот. Маэстро! Извините... (*Оборачивается к интервьюеру, закрывая дверь артистической.*) Еще одну минутку, он принимает душ. (*Усмехается.*) Да... С постоянным дирижером, какие бывали когда-то, эти господа музыканты не очень-то осмеливались шутить! Все были при галстуках, не дай Бог, если кто-нибудь приходил без галстука! А теперь не хватает только, чтобы они во время концерта парили себе ноги... А еще был такой обычай: кто сфальшивит или вступит не вовремя, должен играть стоя до конца концерта! В наказание!.. Ах вам не нравится? Что? У вас конец смены? Расписание? Да ре-

петировали всю ночь напролет! Знаете, сколько раз меня заставлял здесь рассвет. А разве оркестранты на рассвете, смертельно усталые, не аплодировали дирижеру, не благодарили его? Ах, один из них – это был настоящий феномен... Он всегда дирижировал с закрытыми глазами, казалось, что он в трансе, но он видел все. Как ему эту удавалось? Кто знает?! *(Смеется.)* И когда он хотел выбрать какого-либо оркестранта, который ошибся... Охо-хо! Он находил такие словечки, которые сдирали с того кожу живьем. Тот потом месяц не знал, куда деться... А что он выделывал своей палочкой! Он стегал ею *(доказывает жестом)* по рукам и пальцам тех оркестрантов, которые ошибались! С-с-с-с! Только свист стоял. И знаете, что я вам скажу? Музыканты были довольны, что получили палочкой по рукам! Они выходили вперед и стояли как школьники. Такие немолодые *(изображает)*, они протягивали к нему руки и говорили: «Я, я тоже ошибся! Ударьте меня! Я тоже сбился!» Да, это были времена! *(Показывая куда-то в сторону)* Вот, поглядите, что они там творят!..

Два оркестранта – ксилофонист и второй тромбон – пишут на стене ругательства, оскорбляющие дирижера.

Второй тромбон *(нагло улыбаясь, переписчику нот)*. Что это он там делает? Догадаться-ка!

Переписчик нот *(интервьюеру)*. И вы считаете, что это правильно? Хотя кто знает... Может, и правильно!

Голос дирижера *(из артистической, переписчику нот)*. Дзуанелли!.. Дзуанелли!..

Переписчик нот. ...Разве теперь тут может хоть что-нибудь понять? *(Дирижеру.)* Иду, иду! *(Направляется к двери артистической, приотворяет ее.)* Маэстро... тут эти господа с телевидения...

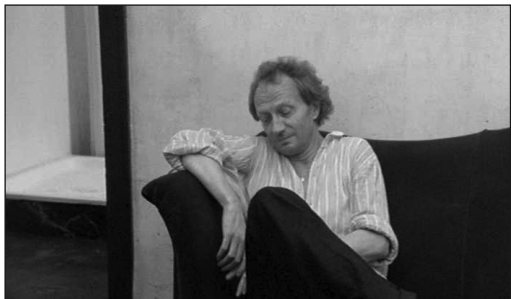
Дирижер *(выходя из ванной, интервьюеру)*. И что же вы хотите от меня узнать? Является ли музыка частью окружающего нас мира? А мне хотелось бы спросить вас: а существует ли музыка? Нет! Значит, и мира больше не существует! Остались лишь одни привычки. *(Переписчику нот.)* Ты можешь идти.

Переписчик нот выходит и закрывает дверь.

Дирижер. В самом деле, какое значение может иметь музыка в наши дни? Вы что, действительно верите, что люди, которые приходят на концерт, знают, что такое музыка? Они только думают, что станут умнее, если ощутят какое-то волнение в брюхе. *(Встает, изображая.)* Вот что им важно. Слушая Бетховена, все они чувствуют себя всадниками, скачущими в атаку на врага. *(Цокает языком, имитируя топот копыт.)* Я прямо-таки вижу, как они срываются с кресел и несутся вскачь из зала! *(Садится.)* Когда я дирижирую, то иногда чувствую, что я смешон... кажусь себе трупом, каким-то призраком... Нет, я не... мне не хотелось этого говорить. Сотрите это, категорически прошу вас. Нынче тебе ничего не простят, ты неизменно должен быть оптимистом... да, и интеллектуалом... Давайте лучше скажем так: музыка – это целый мир, а я чувствую себя королем!.. Да нет, хотите действительно знать, кем я себя чувствую? Я чувствую себя сержантом-сверхсрочником, который

все время только и должен делать, что пинать всех в зад! Да, но теперь из-за этих idiotских, нелепых постановлений запрещено вести себя подобно сержанту. Разумеется, мы извлекаем известные выгоды из нашего привилегированного положения... Одну минутку, пожалуйста, я хочу попить... *(Вынимает бутылку из ведерка для льда.)* Ах, ни капли не остыла... Совсем теплая, в ведерке ни кусочка льда. *(Наливает себе.)* Гениальность всегда граничит с капризами и странностями... Вот, например, однажды я попросил одного музыканта снять кольцо, потому что мне мешал блеск камня, отражавшего свет рампы. И это показалось всем капризом, причудой звезды. Может, и так... но такая чрезмерная чувствительность, такой экзальтированный характер художника жизненно необходимы для того импульса, который способен всех увлечь, захватить... выразить симфоническую тему... Прозит! *(Пьет.)* Но теперь эти незаменимые свойства, эти флюиды оркестра все отвергают. Музыканты... *(Фыркает.)* Да я на них просто стараюсь не смотреть, я их не вижу. Вынужден констатировать, что иной раз у них бывают совершенно невыносимые рожи. *(Берет в руки несколько нотных листов.)* Если бы можно было, то я охотно отгородился бы от них какими-нибудь ширмами. Они похожи на бешеных собак. *(Изображает собачье рычание.)* Они сверлят, меня своими глазами... Нет-нет, эти слова лучше снять, не то они прострелят мне ноги! *(Изображает выстрел.)* Времена былого величия канули в вечность! Капут!.. Я помню, как первый раз стал за пульт. Самое сильное впечатление произвела на меня воцарившаяся передо мной мертвая тишина. *(Поясняет жестом.)* Я подал знак начать и с огромным волнением ощутил, что моя дирижерская палочка связана с игрой оркестра: его голос рождался по мановению моей ру-

ки, она выводила оркестр из тишины и потом погружала его вновь в тишину. Голос оркестра нарастал, как морская волна, стоило мне поднять руку. Ее взмахи были подобны ударам крыльев птицы. А когда я опускал руку, голос гармонии постепенно затихал и вновь наступала тишина... Теперь мы все равны, и я должен походить на первую скрипку, у которого пальцы как у мясника! Что поделаешь, и я даю выход своему раздражению: я покупаю дома. *(Пьет.)* Да, у меня два дома в Америке, один – в Токио, один – в Лондоне и еще один – в Берлине. В Париже никаких домов: мне никогда не хотелось там жить, потому что я совсем не принимаю французскую музыку. Видимо, именно поэтому на таможне в Орли *(встает, чтобы изобразить)* всякий раз считают своим долгом обшарить меня с головы до пят, спереди и сзади, и им все мало... *(Умолкает и смотрит на интервьюера.)* Ну, получили ваше интервью? Достаточно? Мне пора идти. *(Снимая рубашку.)* Вы говорите: дири-

жер оркестра, а это слово уже утратило всякое значение. Дирижер оркестра подобен священнику: у него должны быть церковь и паства, истинно верующая. Но когда церковь рухнет, а верующие превращаются в атеистов... Я вспоминаю Копленского, моего великого учителя. В те времена я был у него первой скрипкой... Когда он становился за пульт, воцарялась полная тишина. Он только бросал на нас взгляд. Выражение глаз у него было отсутствующее *(надевает свежую рубашку)*, но он уже знал, видел перед собой каждую строку партитуры. Он был само олицетворение музыки. А мы следовали за ним, счастливые, полные радостного волнения, чтобы осуществить обряд чудесного превращения... Да, именно так! Чтобы обратить вино в кровь и хлеб в плоть... *(Приостанавливается и смотрит на интервьюера.)* Вам смеш-

ны мои слова? Надеюсь, что нет. Музыка всегда священна, каждый концерт – это богослужение... И мы сидели зачарованные, позабыв о повседневных делах и заботах, ожидая первого взмаха палочки, мы сливались в единое целое, с единым дыханием – нашим и инструментов, сливались в единую жизненную силу. Да!.. И вот он подавал знак начать. Ничего не было прекраснее ощущения его власти. *(Кончает одеваться и направляется к зеркалу.)* Мы дрожали при одной мысли об ошибке, которая могла бы нарушить стройность ритуала.

Огромное волнение и еще более огромное счастье охватывало нас, когда мы чувствовали, как наша радость передается публике, затаившей дыхание, сидящей неподвижно, словно застыв. Мы никогда не смотрели на дирижера оркестра, в этом не было необходимости. Он был там, за пультом, мы это знали, мы это чувствовали.

Вновь доносится глухой гул, сотрясающий стены артистической уборной. Дирижер останавливается, умолкает, прислушивается с загадочной улыбкой на губах.

Дирижер. ...Он был внутри каждого из нас – так сильна была наша любовь к дирижеру, а его к нам. Любовь, от которой, как вы видите, ныне ничего не осталось. Я и мои оркестранты испытываем лишь взаимное недоверие. Мы друг против друга, мы сомневаемся друг в друге, а сомнение разрушает веру. А затем приходят и неуважение, презрение, обида, раздражение, вызванные отсутствием чего-то, что утрачено и никогда не будете; обретено вновь. *(Садится за рояль.)* Вот так мы и играем все вместе, но объединяет нас лишь взаимная ненависть *(берет несколько аккордов)*... словно распавшуюся семью.

Гаснет свет. Дирижер оборачивается, молча оглядывается вокруг. Потом встает, подходит к двери, открывает ее и всматривается в

темноту. По коридору, освещая себе путь свечой, бредет переписчик нот. Он останавливается перед дирижером, который стоит на пороге артистической.

Переписчик нот. Маэстро... Не знаю, что случилось, но мы остались без света.

Дирижер. Это я и сам понял.

Переписчик нот. Что же мы будем делать?

Дирижер. Как – что? Перерыв окончен, репетиция продолжается.

Переписчик нот. Но ведь...

Дирижер. Идем-идем! Посвети мне.

Вдвоем они направляются к залу. Оттуда доносятся гул голосов и ритмичное громыханье труб, барабанов, тарелок, под звуки которых взбунтовавшиеся оркестранты скандируют лозунги.

Голоса оркестрантов: «Дирижер! Дирижер! Больше ты не нужен! Дирижировать захочешь – только вниз головой! У-у-у!»

В дверях зала появляются переписчик нот и дирижер в сопровождении администратора оркестра и профсоюзного работника. Дирижер с высокомерным и снисходительным видом обводит взглядом оркестрантов, которые яростно вопят, выражая свое возмущение и протест. В зале царит невообразимый хаос. Стены исписаны анархическими лозунгами.

Администратор оркестра (*профсоюзному работнику*). Клаудио...

Профсоюзный работник (*стоит позади администратора. С крайним раздражением*). Чего тебе от меня надо?

Администратор. Ты должен вмешаться!..

Оркестранты продолжают выкрикивать лозунги. Один из них скатал шар из бумаги, смоченной какой-то темной жидкостью, и с яростью запустил им в висящий на стене портрет.

Оркестрант (*попав прямо в глаз композитору на портрете*). Получай! А сейчас останешься без второго глаза!

Переписчик нот, вне себя от ужаса, с пультя кричит оркестрантам:

– Ребята, да что вы делаете? Послушайте!..

Уступает место администратору оркестра, который пытается заставить себя выслушать и навести порядок, но тотчас отказывается от своего намерения. Оркестранты совсем распоясались и продолжают с какой-то яростной и мрачной веселостью выкрикивать лозунги, направленные против дирижера.

Флейтистка (*спрыгивая со стула и размахивая аэрозольным баллончиком с краской для писания на стенах*). Не желаем больше, чтоб ты был нашим дирижером! Запрещаем тебе дирижировать!

Голос виолончелиста Ло Кукко. Дураками мы были что столько учились! Загубить всю жизнь в консерватории! Вы все совершенно правы! Нам не нужны дирижеры, не нужна музыка, ничего нам не нужно! Пошлем все к черту и проденем в нос кольцо, как ди-кари! (*Рвет в ключья ноты.*)

Первый тромбон (*другим оркестрантам*). Музыка должна стать общественным достоянием, которым пользуются все без классовых различий! А ее вместо того используют, чтобы эксплуатировать нас и пудрить людям мозги...

Двое пожилых оркестрантов подходят к дирижеру, который сидит на ступенях для хора и внешне бесстрастно наблюдает за происходящим.

Пожилый оркестрант (*растерянно*). Маэстро... Но с чего это началось? Когда?

Контрафаготист (*кричит*). Дирижер! Дирижер! Больше ты не нужен! Дирижировать захочешь – только вниз головой!

Контрафаготист перестает выкрикивать лозунги и лезет под рояль. Туда же он тянет за ногу пианистку. Та забирается под рояль, прихватив с собой подушку.

Пианистка. Да что ты делаешь? Ты сошел с ума! (*Тяжело дыша, они устраиваются под роялем и обнимаются.*) Дорогой мой! Как ты вспотел!

Контрафаготист (*страстно прижимая ее к себе*). Иди ко мне, мышка!

Второй тромбонист проворно карабкается по лестнице, прислоненной к стене зала, и оттуда во все горло выкрикивает лозунг: «Дирижер! Дирижер! Больше ты не нужен!»

Со стен зала начинает капать какая-то темная жижа и сыпаться штукатурка, падая на головы то одному, то другому оркестранту.

Оркестранты (*задрав головы вверх*). Что это такое валится?.. Что там, наверху, происходит?..

Тем временем профсоюзный работник и администратор оркестра переругиваются, обвиняя друг друга.

Профсоюзный работник. Еще хуже: ты невежда и жулик!

Администратор оркестра. Да заткнись ты!.. Нет, нам не пойдет! Ты ведь тоже подписывал! Мне просто стыдно говорить с тобой.

Профсоюзный работник. Я заявлю о тебе в ассоциацию. И сделаю это немедленно! У меня есть свидетели.

Оркестрант (*выкрикивает сверху лозунги*). Нет – власти музыки! Музыка – это конвейер эксплуатации!

Между тем другой оркестрант влез на лестницу и пишет на стене: «Нет – власти музыки! Нет – музыке власти!»

Голос одного из оркестрантов. Пора с этим покончить! Пора покончить!

Кларнетист (*соседу*). Эй! Погляди-ка, что это у меня на голове? (*Показывает на несколько упавших с потолка темных капель.*)

Оркестрант (*наклоняется и трогает пальцем капли на голове кларнетиста*). Дай-ка понюхать...

Кларнетист. Что это такое?

Скрипач. Ну знаешь, воняет, как... (*Усмехается.*)

Вторая скрипка (*ему на лоб тоже падает несколько капель*). Что это?

Встает, чтобы посмотреть на потолок, и ударяется о стул первой скрипки.

Первая скрипка (*раздраженно*). Да что вам от меня надо? Хотите нарваться на неприятности?

Вторая скрипка. Тебе-то чего от меня надо, ненормальный? Не видишь, дождь идет!

Первая скрипка (*в ярости вскакивает*). Ну и ну! Я не поддамся на провокацию. (*Толкает вторую скрипку в плечо.*)

Первая и вторая скрипка обмениваются пощечинами.

Вторая скрипка (*истерически смеясь*). Да что этот тип делает?

Первая скрипка. Вот глядите, как некоторые умеют портить окружающим жизнь!

Новые оплеухи.

Вторая скрипка. Вот привязался!

Первая скрипка. Хочешь еще? (*Пощечина.*) На, получай! Еще? Пошел отсюда!

Флейтистка (*неожиданно выкрикивает*). Нет – власти дирижерской палочки! Долой дирижера! Мы требуем нашу музыку и хотим ее немедленно!

Вторая скрипка (*первой скрипке*). Тебя вообще не существует! (*Стоящим вокруг оркестрантам.*) Да кто он такой? Нет, я спрашиваю у вас, черт побери, кто он такой? Его не

существует! А если существует, то я его сотру в порошок, уничтожу, зарезу!

Хватает свою скрипку и запускает ее в противника. Но тот пригибается, и скрипка попадает в арфистку, которая пьет чай, сидя на ступенях для хора.

Арфистка (кричит). Вы меня ранили! У меня идет кровь! Идиоты, психи ненормальные!

Оркестранты выкрикивают лозунг: «Дирижера время вышло, дирижеру в глотку дышло!»

Арфистка (вытирая платком кровь, интервьюеру). Можно я буду давать интервью оттуда? (Пересаживается к арфе.) Впервые арфу я увидела во сне. Мне было тогда года три или четыре, может, и меньше, и я не знала, что это за штука, так похожая на золотую клеточку, такая маленькая-маленькая... У меня идет еще кровь?.. Однажды в какой-то книге я нашла картинку: Нерон в объятom огне в Риме держит в руках инструмент, напоминающий тот, что я видела во сне. А потом в иллюстрированном календаре...

Между тем в беснующейся толпе музыкантов скрипач-муж замечает, как его жена тянет из бутылочки виски. Он яростно бросается к ней, вырывает бутылочку и швыряет на пол. Женщина встает и пытается пнуть его ногой, но промахивается и с презрительной миной показывает ему рога.

Арфистка. ...был нарисован летящий ангел. Он летел по небу и играл на арфе. Именно на такой, какую я видела во сне! Арфа! Ведь арфа – это все равно что человеческое существо, которое рядом с тобой. Я вам скажу вот что: я не смогла бы жить в доме, где ни в одной из комнат не было бы ее... (Вытирает платком инструмент, смахивает сыплющуюся с потолка пыль.) Мне не уснуть, если я не знаю, что арфа там, в темноте гостиной, что она стоит на своем месте. Иногда у меня такое чувство, что к ней легонько прикасаются чьи-то руки... я слышу, как она играет. Но, может быть, это ветер...

Вновь раздается мощный раскат, доносящийся, по-видимому, с улицы. Оркестранты на мгновение замолкают и со страхом глядят на потолок. Люстры в зале дрожат и качаются. Вновь сыплется пыль, а кое-где и куски штукатурки.

Арфистка. ...В арфе – вся моя жизнь: она меня не только кормит, но... как бы сказать... она мое прибежище, моя жизнь... (Закашлялась из-за сыплющейся на нее с потолка известки.) Я всегда была одинока, у меня никогда не было мужчин, никого, только ар-

фа! Да, она одна. И вот я ей все рассказываю, разговариваю с ней... (Волнуюсь.) И арфа мне отвечает... передает мне чувства, ну, не знаю, разные фантазии. Ощущение всепоглощающей радости и грусти одновременно! Но самое главное, она рождает в тебе веру. Если ты играешь на арфе, то ты это чувствуешь... Ты знаешь, что существуют другие измерения...

Скрипачка Аида прыскает со смеху.

Арфистка (уже вся осыпанная пылью, продолжает обтирать свою арфу). Однажды какой-то мальчик спросил меня: «А куда девается музыка, когда ты перестаешь играть?» Такие вопросы умеют задавать только дети!

Второй тромбонист, стоя на лестнице, свирепо выкрикивает новый лозунг.

Второй тромбонист. Мы – оркестр террора, на мыло дирижера!

Другие молодые оркестранты со вновь вспыхнувшей яростью скандируют: «Дирижер – угнетатель, кто играет – предатель!» Несколько оркестрантов вносят в зал огромный метроном.

Второй тромбонист (кричит с лестницы).

А вот и новый дирижер!!!

Оркестранты скандируют: «Дирижера время вышло, дирижеру в глотку дышло!» Громкими криками приветствуя метроном, оркестранты расступаются перед ним. По образовавшемуся проходу метроном несут прямо к дирижерскому пульта, который кто-то опрокидывает ударом ноги, и устанавливают на табурете.

Оркестранты кричат: «Да здравствует метроном! Долой дирижера гнет, метроном свободу несет!»

Неистовствуя, словно на каком-то шабаше, они выкрикивают все новые лозунги. Тем временем парочка под роялем, пианистка и контрафаготист, занимаются любовью, причем пианистка, рассеянно улыбаясь, продолжает жевать свою булочку.

Молодая флейтистка (с яростью). Нет – метроному! Темп задавать будем мы! Мы сами!!!

Первый тромбонист (пытаясь перекрыть оглушающий шум). Хватит исполнять музыку, которая против нас! Мы, исполнители, хотим сами создавать ее и управлять ею!..

Скрипачка Анджелика. Дирижировать запрещается! Мы вообще не желаем, чтобы нами кто-нибудь дирижировал! (Спрыгивает со стула.) Смерть метроному тоже! Смерть!!!

Запускает в метроном стулом и сваливает его. Между музыкантами, которые хотят оставить метроном дирижировать, и их противниками вспыхивает яростная потасовка. Покрывая ее шум, снова слышится – на этот раз еще громче и мощнее – гул какого-то удара по стенам зала. На охваченный хаосом оркестр густым дождем сыплются известка и куски штукатурки. Старик оркестрант, оцепенело сидевший на своем месте, вдруг будто

пробуждается, выхватывает пристегнутый к ноге под брючной штаниной пистолет и несколько раз стреляет. Паника, испуганные крики. Администратор оркестра набрасывается на старика и, повалив его на пол, пытается обезоружить.

Администратор оркестра (задыхаясь от натуги). Вот псих!.. Отдай пистолет!! Дай мне пистолет, кому говорят!..

Старик оркестрант (лежа на полу). Ты мне делаешь больно!.. У меня есть разрешение на право ношения оружия! Есть разрешение... Посмотри в бумажнике!

Администратор (*выхватывая из рук старика бумажник*). А ну-ка, покажи это разрешение!

Старик оркестрант (*оставаясь на полу, слабым голосом*). У меня есть, есть разрешение на право ношения оружия...

Администратор (*изучает содержимое бумажника, недоверчиво*). Так... Выдано на его имя! Да, действительно, разрешение на право ношения оружия... По всем правилам... (*Кладет разрешение обратно в бумажник.*)

Старик оркестрант. Ну, убедился? Я же говорил, что у меня разрешение...

Администратор (*помогая старику подняться с пола*). Ну, вставай, вставай же!

Старик оркестрант со стоном поднимается на ноги.

Администратор (*с восхищением подкидывает на ладони пистолет*). «Смит-вессон», а?

Вновь раздается глухой удар, на этот раз такой страшной силы, что все в ужасе замирают, оглядываясь кругом и задирая головы к потолку, откуда несется гул. Люстры угрожающе раскачиваются. Висевшая на стене картина падает на пол. Неожиданно в стене появляется трещина, она увеличивается с ужасающей быстротой.

Неистовый ритм барабанов и труб замедляется, постепенно их звуки почти замирают.

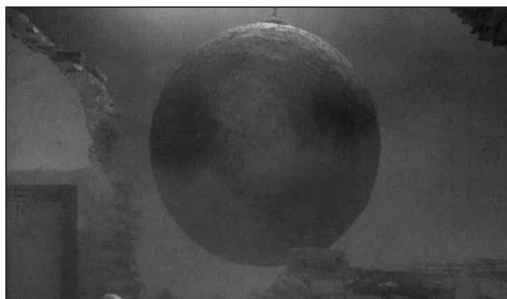

Органистка (*вставая и указывая на трещину*). Смотрите! Вон туда, вверх! Туда!

Музыкант с тубой-басом (*в страхе*). Эй, глядите!

С оглушительным грохотом стена окончательно рушится под ударом появляющегося в проломе огромного шара. Оркестранты пьются, охваченные паническим страхом.

Оркестрант (*соседу*). Марио, гляди-ка, все рушится! Все валится!..

Вопли оркестрантов, бегущих подальше от пролома по залу, уже засыпанному известкой и обломками рухнувшей стены. Огромный шар продолжает со скрежетом качаться, пока не останавливается неподвижно.

Когда первая паника проходит, один из оркестрантов бросается к арфистке, почти погребенной под упавшими на нее обломками. Другие спешат к нему на помощь.

Трубач (*склонившись над арфисткой*). Клара! Клара!

Несколько оркестрантов поднимают арфистку на руки и уносят.

Скрипач Эспозито (*плачет, стоя на коленях*). Но почему, почему?

Дирижер встает и, направляясь к дирижерскому пульта, обращается к оркестрантам.

Дирижер. Вы все здесь, и я здесь. (*Обводит взглядом заваленный обломками зал.*) Каждый из нас должен позаботиться о своем инструменте, это единственное, что мы мо-

жем сделать. А сейчас, будьте добры, помогите мне кто-нибудь. *(Пытается поднять опрокинутый пульт.)*

Оркестранты смотрят на него в полной тишине. Молодой музыкант приближается к дирижеру, чтобы помочь поднять пульт, наклоняется и смотрит ему прямо в глаза.

Дирижер *(юноше)*. Ноты спасут нас.

Двоим они поднимают пульт.

Дирижер. Музыка спасет нас. Держитесь тверже за ноты, следуйте им всем до одной...

Оркестранты молча и сосредоточенно приводят себя в порядок, готовясь продолжать репетицию.

Дирижер. ...так, как вам будут указывать мои руки. Мы – музыканты. Вы – музыканты.

И мы находимся здесь, чтобы репетировать.

Оркестранты один за другим располагаются перед дирижерским пультом.

Дирижер. Не надо бояться, репетиция продолжается. *(Готовится начать.)* По местам, господа, прошу вас, займите ваши места.

Переписчик нот поднимает с пола дирижерскую палочку и протягивает ее дирижеру.

Дирижер *(беря у него палочки)*. Благодарю!

Дает знак начать. Музыканты играют, все ближе подходя к дирижерскому пульту.

Музыкальный отрывок закончен. Стоя за пультом и опустив голову, дирижер обращается к оркестрантам.

Дирижер. Может быть, вы соблаговолите вкладывать в музыку чуть меньше страсти? *(Постепенно все громче и громче.)* Может быть, вам следует напомнить, что шум, что скрежет трамвая на повороте – это еще не музыка! *(С иронией и еще больше повышая голос.)* Я слышал какой-то стук кастрюль, какие-то свистки! Где мы с вами находимся? *(Кричит.)* Может быть, на футбольном поле? Может, вы принимаете меня за судью?.. А вы где, духовые, что вы там делаете, что случилось вашими жалкими легкими? Куда девалось ваше дыхание? Вы что, растратили его на

идиотскую болтовню? Вы должны дуть изо всех сил!.. Сначала! *(Переходит на немецкий язык.)* Больше мощи! Эти трубы должны пробудить мертвых! А то можно просто уснуть! Вы кто – музыканты или нет? Я требую больше чувства, больше оттенков! *(Вновь по-итальянски.)* Начнем сначала, господа!

1979 г.

**Перевод с итальянского
А. Богемской**